

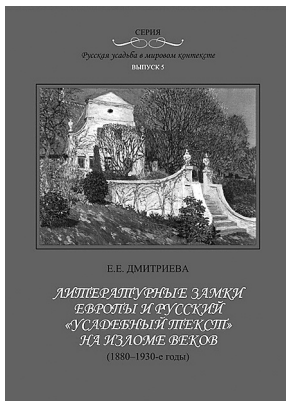
Усадьба/замок versus литература: пространство смыслов

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_346

Дмитриева Е.Е. Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880—1930-е годы).

М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 768 с. — 300 экз. — (Русская усадьба в мировом контексте. Вып. 5).

Усадебная тема с 1990-х гг. интенсивно изучается современной гуманитаристикой. Наряду с глубокими искусствоведческими работами прошлых лет (Т.П. Каждан, О.С. Евангулова, М.В. Нащокина, П. Рузвельт и пр.) и литературоведческими исследованиями В.Г. Щукина, Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой, Т.М. Жапловой, В.А. Доманского и др. следует отметить издания коллектива ИМЛИ РАН в серии «Русская усадьба в мировом контексте» (6 выпусков), которые представляют первое системное исследование «усадебного текста» русской литературы на широком материале XIX — начала XXI в.

Рецензируемая монография Е.Е. Дмитриевой является едва ли не первой (и удачной) попыткой включения истории русской усадьбы в западноевропейский контекст. Как пишет автор, работа над книгой заставила ее скорректировать тезис об уникальности русского усадебного текста, поскольку нашелся «целый ряд отличных от него аналогов (оксюморон!), точек схождения, пересечения русского усадебного текста с жизнью западноевропейской усадьбы» (с. 19). Этот вывод сделан на основе изучения необычайно обширного европейского и русского материала, позволившего построить общую типологию усадеб как универсального явления европейской жизни и охарактеризовать специфику его русской модификации.

Развиваемый Дмитриевой ранее интеграционный подход, объединяющий историю литературы с геокультурологией¹, продемонстрировал свою продуктивность и в рецензируемой монографии. В первой ее части («Русская усадьба: до и после») перед обращением к европейским литературным замкам автор совершает экскурс в историю и типологию русской усадьбы, отмечает не только ее жизненность, но и «литературность» (с. 52), формулирует важный тезис: «...реальное усадебное пространство порождает тексты и жанры, но и литература, в свою очередь, формирует усадебный быт и сам способ проживания в усадьбе» (с. 54). Рассматривая формы существования дворянских усадеб после революции 1917 г. (усадебные коммуны, школы-коммуны, дома творчества, музеи), автор уделяет особое внимание усадьбам Псковской земли — Михайловскому, Тригорскому, Холмкам, Логу. Тем самым значительно расширяются представления об усадьбах Псковского края, дав-

1 См.: Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008.

ний интерес к которому псковских филологов выражен в коллективных трудах (под редакцией Н.Л. Вершининой) «Псковский край в литературе» (Псков, 2003) и «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты» (Псков, 2015). Особую ценность в этом отношении представляет анализ впервые изданной книги Ал. Алтаева «Гдовщина. Забытый угол» (СПб., 2020), которую Дмитриева рассматривает в контексте традиций «усадебного мифа». Как показывает автор, это неизвестное ранее художественное произведение Алтаевой-Ямщиковой, «самое сильное, яркое и отнюдь *не наивное*» (с. 122), содержит множество литературных параллелей, в частности в развитии темы усадебных чудачков и пасторальной усадебной любви. На примере книги Алтаевой Дмитриева подтверждает мысль об эстетизации русской усадьбы одновременно с переживанием ее гибели. Она заключает: «...бесхитростная правдивость, помноженная на безусловно литературный талант и выстраданный стиль, заставляет порой задуматься о границах, что существуют между жизнью и литературой (поэзией и правдой)» (с. 137).

Переход от усадьбы в России к усадебным топосам Европы осуществляется на примерах И.А. Бунина и С.С. Рахманинова, находящихся в эмиграции. Новым аспектом изучения стало рассмотрение того, что «в литературе усадьба обретает статус той виртуальной ценности, которая уже более не нуждается в реальной субстанции» (с. 110), с чем связаны попытки «реконструировать усадебное прошлое уже вне России, за рубежом» (с. 143). Об эмоциональном воздействии такой реконструкции свидетельствуют, в частности, воспоминания писателя Л.Ф. Зурова, много лет жившего в семье Буниных в Грассе и знакомого с Рахманиновым. Зуров воспринял швейцарскую усадьбу Сенар как «незримый рахманиновский некрополь», где обитает душа композитора: «И хотя его могила далеко, он как бы здесь, <...> среди растущих у вод, посаженных его руками деревьев», а созданная среди «совсем русских усадебных елей и берез»² музыка Рахманинова исполнена внутренней трагедии.

Вторая часть книги посвящена европейским артистическим колониям и дачам: английскому Редхаусу, немецкому Ворпсведе, французским паллиативам усадебной жизни — гингете «Лягушатня» и Мулен де Вильнёв. Рассказывая о попытках творческих натур осуществить утопию, строя жизнь по законам искусства, автор включает в исследование обширный пласт европейской культуры XIX—XX вв. от исканий прерафаэлитов до импрессионистов и экспрессионистов, показывает творческую связь с художниками знаменитых литераторов (Райнера Марии Рильке, Ги де Мопассана и др.). Неожиданно резонирует усадебный опыт в творчестве Эльзы Триоле и Луи Арагона, которые у Дмитриевой вызывают на первый взгляд парадоксальную аллюзию на гоголевских «старосветских помещиков». К слову заметим, что, будучи гоголеведом, Дмитриева в разных главах книги обнаруживает гоголевскую ноту (с. 138, 460, 516—517, 636—638). Но не только гоголевскую. Отличительной чертой авторского повествования являются свобода переходов от европейского материала к российскому и наоборот, выявление внутрилитературных соответствий, пронизательные наблюдения по поводу классических русских и зарубежных произведений. Для исследователя характерно понимание нерасторжимых взаимосвязей мировой культуры в целом — литературы и архитектуры, садово-паркового искусства, живописи, музыки, театра. Но в орбиту анализа вовлекаются те культурные явления, что прямо или косвенно порождены усадьбой или литературным замком.

В книге нашли отражение не только артистические референции Золотого века. Третья часть представляет собой панорамное описание замков как прост-

2 Зуров Л.Ф. Воспоминания // Зуров Л.Ф. Обитель: повести, рассказы, очерки, воспоминания / Сост. А.Н. Стрижев. М.: Паломник, 1999. С. 536, 538.

ранства инициации — эротической, мистериальной/мистической, эзотерической. На примере Версальского парка и целого ряда литературных произведений авторов XV—XVII вв. (Ф. Колонна, М. Сервантес, Я. Коменский, А. Силезиус и др.) раскрывается сакрально-теологическая символика лабиринта как духовного испытания (согласно средневековой традиции, в саду «разыгрывается драма души, любящей Господа, ее очищение, просветление и воссоединение с Предвечным», с. 288), но также и символика эротической инициации. Анализ новеллы «Маленький домик» Ж.-Ф. Бастида показывает, что прохождение через сад «как хорошо продуманное оболыщение становится одной из излюбленных тем французской литературы второй половины XVIII века» (с. 328). Отдельный сюжет представляет повествование о садово-парковом ансамбле Вёрлиц, в котором известный знаток европейских садов принц де Линь видел «единство просветительского, идиллического, чувственного и эротического элементов» (с. 341). Автор раскрывает множество литературных реминисценций при переводе вёрлицевских садов в литературные тексты, обнаруживая глубокое знание европейской культуры. По тому же принципу строятся разделы о бретонском замке Лашенэ, португальской Синтре и швейцарском Дорнахе: вслед за историей, архитектурикой и символической программой замков рассматривается игра их отражений в литературных произведениях. Так, в повествовании о «мистериально освященном пространстве» Регалейры (с. 398) вскрываются отсылки к «Божественной комедии» Данте, литературные ассоциации с творчеством Ф. Колонны и Л. де Камонэна, прослеживаются связи с литературными текстами современных авторов (А. Перес-Реверте и др.). В основе внутреннего сюжета третьей, самой объемной части монографии лежит поступательное приобщение к тайному знанию: от поиска чувственных идеалов, опыта либертинажа (Версаль, Вёрлиц) к поиску сверхправды в области духа (эзотерические «квесты» Синтры, Гетеанума). Это движение завершается поиском Священного Грааля в сюрреалистическом романе Жюльена Грака «Замок Арголь» (1937). Будучи переводчиком произведения³ и его тонким исследователем, Дмитриева обнаруживает многочисленные аллюзии и реминисценции в романе, обширная цитатность которого позволяет выявить основную мысль автора: «...завоевание Священного Грааля уничтожает желание, свершение перечеркивает возможность» (с. 451), потому героям романа суждено бесконечное повторение поиска.

В четвертой части на множестве примеров рассматриваются европейские усадебные стилизации. Так, сконструированный по готическим образцам замок Строберри Хилл породил у его хозяина Горация Уолпола готический роман «Замок Отранто» (1765), став в литературе не «местом действия», а «источником воображения», «открыв новые формы и возможности человеческого сознания и воображения» (с. 462). Построенная в начале XX в. греческая вилла Теодора Рейнака, являясь воплощением античных идеалов, литературно была воскрешена в романе воспитания «Вилла Керилос» (2017) историка Адриана Гёца. В том же ряду рассматриваются опыты воплощения пассивных фантазий представителями русского искусства Серебряного века. Стилизации А. Бенуа на версальскую тему подчеркивают неприкрытую театральность Версаля, но передают и «опьяненность» мертвенным обаянием этого суггестивного пространства. Работы художника отразили, как замечает автор, «не только его собственно русский взгляд на бывшую резиденцию французских королей, но и след тех потрясений, которые уже пережила Россия» (с. 487). С другой стороны, для прозы Серебряного века характерны стилизации пушкинских сюжетов и мотивов, что демонстрируется в книге на примерах произведений Ф. Сологуба, М. Кузмина и Б. Пильняка, которые отражают не только невозмож-

3 См.: Грак Ж. Замок Арголь / Пер. с фр. Е.Е. Дмитриевой. М.: ОГИ, 2005.

ность в XX столетии воскресить дух пушкинской эпохи, но и разочарование в пушкинском гармоническом сознании. Также и две французские стилизации в духе эпохи XVIII в. — романы «Урок любви в саду» (1902) Р. де Буалева и «Неспешность» (1995) М. Кундеры — вскрывают духовные проблемы цивилизации в XX в. и противопоставляют «мимолетной и развращенной памяти» Нового времени «ностальгию по иным временам, которые в нашем российском сознании ассоциируются в том числе и с *усадебной культурой*» (с. 544). Но за изящным игровым эпикурейством этих романов кроется тот же скепсис, каким романтическая ирония подчеркивала иллюзорность ретроспективных устремлений в русском Серебряном веке⁴.

Пятая часть («Замок как культурная мифологема и пространство жизнотворчества») переносит читателя в замки маркиза де Сада, празднества в которых нашли отражение в его литературном творчестве, а позднее воскрешены потомками маркиза в замке Иер. На примере судьбы замка-поместья Куранс раскрывается шестивековая история его модернизации вплоть до приспособления к современным экологическим проектам. Другой сюжет связан со швейцарским замком Коппе госпожи де Сталь, на протяжении двенадцати лет бывший прибежищем представителей антинаполеоновской оппозиции. Объединивший европейских интеллектуалов, замок стал «приютом муз», породив своей атмосферой немало произведений, среди которых, помимо трактатов и эссе, известные романы «Коринна, или Италия» Ж. де Сталь и «Адольф» Б. Констана. Противоположным образом реальный замок Германт, который посещал М. Пруст, был замещен в его цикле романов «В поисках утраченного времени» вымышленным замком Комбре (при этом обитателями литературного замка являются представители рода Германтов). Тема замков в этой замечательной эпопее, считает Дмитриева, предстает настойчивым и неотвязным мотивом, наполняющим текст «своеобразными миражами», выступает «воплощением эпатажных поисков искусства современности», становится «тем самым мостом, что соединяет в романе искусство и аристократизм» (с. 617, 619, 620). Вместе с тем в понимании замка как хранителя родовой памяти, истории и традиции и в идее об исчерпанности родовых усадеб Дмитриева справедливо видит переключку с представлениями о судьбах русской усадьбы.

Поэтому логично обращение в этой части к знаменитым авторам русской усадебной литературы — И. Тургеневу и А. Чехову, чья связь с усадебным пространством рассматривается через призму интертекстуальности. В повести Тургенева «Фауст» Дмитриева анализирует функцию культурного контекста произведения и особенно прямых цитат из трагедии Гёте, что позволяет ей в частной истории тургеневских героев увидеть «метафизику человеческого бытия» (с. 646). Еще более оригинальны наблюдения и выводы исследователя по поводу художественной рецепции Чехова в пьесе Жана Ануя «Дорогой Антуан, или Неудавшаяся любовь» (1969), написанной «под сильным влиянием Чехова, но еще и во внутренней составляющей с ним» (с. 652), в попытке переиграть его театральными средствами. Из завершающей книгу главы можно узнать, как «воскресителем русской усадебной жизни» (с. 679) становится французский литератор Анна Вяземски, в чьей родословной соединились роды Вяземских и Мориак. В своем романе «Горстка людей» (1998) она совершает «ностальгическое паломничество» (с. 685) в родовое имение Лотарево, основываясь на документальном материале из жизни российской усадьбы и собственном опыте проживания во французском Малагаре.

Исследователь нередко, стремясь к полноте литературных отражений замков-поместий, выходит далеко за хронологические рамки 1880—1930-х гг., что явля-

4 См.: Разумовская А.Г. Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма). СПб., 2014. С. 230—246.

ется, наряду с широким тематическим диапазоном «усадебной топики» и ее литературных рецензий, еще одним достоинством монографии. Добавим к этому богатую фактографическую информацию, привлечение солидного круга научных и мемуарных публикаций как на русском, так и на французском, немецком, английском языках.

Делая центральным объектом изучения литературу и творимый ею миф, Дмитриева приходит к выводу, что угасание усадебной культуры обернулось «не столько угасанием, сколько обретением новых форм выживания да и просто бытия» (с. 708). Несмотря на пестроту сюжетов, изложенных в разных разделах книги, они отмечены не только многочисленными сближениями западных замков с российскими усадьбами, но и неожиданным объединением разных человеческих судеб, что позволяет автору резюмировать: «...между русской усадебной жизнью и жизнью (в том числе и литературной) европейских замков гораздо больше сходений, порой парадоксальных, чем непреодолимого различия» (с. 712).

Хочется отметить еще одну привлекательную особенность монографии: являясь серьезным научным исследованием, отличаясь новизной интерпретации обширного литературного материала, книга в то же время увлекательно написана. Подобно садовым лабиринтам, она будоражит воображение читателя и провоцирует его на свой поиск усадебного знания. Этот своеобразный «Бедкер», во многом созданный в результате собственных путешествий автора по литературным замкам Европы (порой малоизвестным сегодня), отражает вкус и личные пристрастия Е.Е. Дмитриевой.

Намеченные в заключении перспективы дают основание ожидать продолжения исследования.